

ТЕАТР И МОЛОДЕЖЬ

Наши интервью

ЗАВТРА в шесть часов вечера в краевом драматическом театре им. Горького открывается научно-практическая конференция «Театр и молодой зритель». Уже сама тема предполагает заинтересованный и серьезный диалог между театром и молодежью. Что дает начинающему производственному, студенту, старшекласснику театр сегодня, какими мыслями, чувствами обогащает он современника; отвечает ли насущным требованиям времени; помогает ли формированию идеалов и убеждений или только развлекает и, наконец, чего ждет молодой человек от театра, что приветствует, чем недоволен — вот основные вопросы этого диалога. Конференция ставит своей целью и дальнейшее приобщение к сценическому искусству довольно значительной, «нетеатральной» пока части молодежи. Накануне конференции наш корреспондент Т. Смирнова обратилась с рядом вопросов к главным режиссерам двух краевых театров — ТЮЗа и драматического им. Горького — Игорю Михайловичу ЛЮЗИНУ и Юрию Васильевичу ЧЕРНЫШЕВУ.

— Какое место в вашем репертуарном арсенале занимают спектакли, посвященные молодежи и театру?

И. М. Люзин:

— Поскольку мы — театр юного зрителя, то и весь наш репертуар — «юный»: о молодежи и для молодежи. Готовится он тоже силами молодежи. Основной возраст актеров до 30 лет. Сказать, что мы отдаем предпочтение какой-то одной из возрастных категорий зрителя, — а у нас есть и малыши, подростки, старшеклассники и еще старшие, — нельзя. Мы, например, не без основания считаем, что если в 7—8 лет ребенок увлекся театром, то в будущем это наш преданный зритель. Медленное, но верное эстетическое образование куда надежней авралов и кампаний.

Ю. В. Чернышев:

— Если говорить о «чисто молодежной» тематике в репертуаре театра им. Горького, то я назову спектакль «Свой

остров». Проблема выбора жизненного пути, столь важного для восемнадцатилетних, проблема поиска, идеала сразу же определили и аудиторию. Но, как правило, на спектакль не клеится «ярлычок»: это — для молодежи, это — для пожилых. Мы ставим спектакли для всех. На недавно состоявшейся премьере комедии «Служивцы» в зале сидели и те, кому 20, и те, кому за 60. Важно, чтоб спектакль был хорошим, умным.

— Так, может, вообще не стоит говорить о молодежной специфике в отношении театра?

Ю. В. Чернышев:

— Стоит. Существует, и для всех это очевидно, своего рода молодежная эстетика. Она — в стиле самовыражения, в манере говорить, одеваться, причешиваться. Мы видим ее в жизни, и на экране, и в песне. Пренебречь всем этим, как равно и тем, что молодежь наша выросла, поумнела — она уже

не та, что была, скажем, лет десять назад, — пренебречь этим театру не дозволено: молодежь должна узнавать себя в образах на сцене. Но это не значит, что театр может довольствоваться лишь внешней характерностью — для него важны замысел, содержание спектакля. И если последние несут заряд коммунистических идеалов, высокий нравственный смысл, то можно считать миссию нашу выполненной.

Мы очень хотим, чтобы молодежь платила нам взаимностью и доверием. Надеемся, что предстоящая конференция пополнит ряды наших молодых единомышленников.

И. М. Люзин:

Говоря о молодежной специфике, мы, тюзовцы, имеем в виду точную дозировку в возрасте (что интересно, шести-класснику, то может оставить равнодушным девятый класс), во времени и выборе темы. Не случайно есть у нас термин «девальвация темы». Главной целью своих усилий мы считаем облагораживание человека, обогащение его духовного мира. Принцип наших актеров: делать спектакли чистыми руками и с добрыми намерениями. Такие спектакли, как «Обратный адрес» Алексина, «Не беспокойся, мама!» Думбадзе, «А зори здесь тихие» Васильева, «Не забывай меня, солнце!» Абдулина и т. д., завоевали и завоевывают признание юного зрителя, потому что сдела-

ны они как раз с добрыми намерениями.

— Юрий Васильевич, какова главная проблема, поднимаемая сегодня в работах вашего театра?

— Чувство личной ответственности человека за дела своих рук, за судьбу страны в конечном счете. Существует удобная формула оправдания проступков личности: коллектив не справился, коллектив оказался не на должной высоте и т. д. Ложная выдумка: все на свете имеет свои имена, фамилии, точный адрес. Эта мысль о личной ответственности пронизывает пьесу «Человек со стороны» Н. Дворецкого, над которой работает сейчас театр. Носителями этой же идеи является инженер Карл Рейнс из «Своего острова», председатель из «Шторма». Поэтому, идея эта чрезвычайно важна для молодежи.

— Всегда ли мысли, рождающиеся на сцене театра, разделяются зрителями? Иными словами, как осуществляется обратная связь?

И. М. Люзин:

— Ребята — народ непосредственный. Они шлют по следам спектакля письма, рисунки, стихи. И по выступлениям на обсуждениях мы видим: попали «в яблочко». Помню, как-то девочка — производственница встала после спектакля и заявила: «А ведь это моя биография... Зал ахнул. Помню, как ребята устроили диспут — он длился до часу ночи, и трудно было унять спорщиков.

У нас есть талантливая актриса Айзенберг. Однажды после спектакля «Ночное чудо», где она играла героя-пионера Валу Котика, группа подростков одиннадцати-двенадцати лет долго поджидала кого-то у входа. Выяснилось, ждали Валу Котика: «Поговорить бы надо... Когда им указали на спускающуюся по лестнице актрису, ребята презрительно отмахнулись: «Ну да, это тетенька какая-то, а нам Вало!» После спектакля «Будьте готовы, Ваше высочество!» в театр на имя мальчика-принца (именно его играла Айзенберг) посыпались вожные письма от девочек. Таков юный триумф!

Но бывает, что хороший спектакль — помню ставили «Домик на окраине» Арбузова — оставляет зал холодным. И тогда актеры (это же очень ранний и хрупкий материал) выходят за кулисы в истерике и слезах — неточный, видимо, взят адрес. Как видите, все наше существование пронизано драмой.

Ю. В. Чернышев:

— Контакт со зрителем начинается с выхода актера на сцену. Уже тогда мы можем судить: позитивна или негативна (аплодисменты, молчание, шушуканье) эта обратная связь. Но все же полнее она выявляется при непосредственном обсуждении спектакля. Так, нас удивили, например, разноречивые мнения относительно

«Своего острова»: мы ждали скорей однозначного ответа. С одной стороны, это приятно, когда вещь вызывает споры, с другой — тревожит: где-то, в чем-то, стало быть, просчет. На конференции мы как раз хотели бы выяснить позицию зрителя, оценки, выслушать, если на то пошло, приговор. Мы страстно идем на эти контакты, чтобы потом откорректировать свои поиски в репертуаре, в форме постановки.

— Разрешите задать последний вопрос: чем наши театры готовы в скором будущем порадовать зрителя и, разумеется, молодого в том числе?

И. М. Люзин:

— Часть вещей я уже называл. Это вся пронизанная солнцем «Не беспокойся, мама!» грузинского драматурга Нодара Думбадзе. В ней нет пафоса, «указательного перста» — дети, кстати, этого очень не любят. Это и «Драматическая песня» по Николае Островскому, и «Тимми, ровесник мамонтов» Ольшанского, и «Дорогой мальчик» Михалкова, и т. д.

Ю. В. Чернышев:

— Мы хотели бы сделать проверку своих сил и способностей на столь сложных и тонких пьесах, как «Фальшивая монета» А. М. Горького, — ведь наш театр носит имя основателя советской литературы, или как «Трехгрошовая опера» Бертольда Брехта. В них всегда можно прочесть современные проблемы, такие вещи не стареют. Удастся ли они нам — судить зрителю. Хотелось бы, чтоб он пришел в театр, стал бы нашим союзником в том прекрасном и яростном мире, что зовется искусством.